

УДК 811.161.1+82.31

И. Г. РОДИОНОВА*

СОСТАВНОЕ ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ КАК СРЕДСТВО САМОХАРАКТЕРИЗАЦИИ АВТОРА-РАССКАЗЧИКА В ПОВЕСТИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ДАЛЁКИЕ ГОДЫ»

Рассматриваются основные (вещественные) и связочные компоненты составного именного сказуемого как средства самохарактеристики автора-рассказчика в автобиографической повести К. Г. Паустовского «Далёкие годы». Актуальность исследования объясняется тем, что его результаты позволяют увидеть личность автора — человека, который «стоит за текстом», понять его мироощущение и миропонимание, что, в свою очередь, способствует осмыслению описанного в художественном произведении через призму авторского восприятия. Отмечается, что в роли именной части сказуемого преобладают лексемы, выраженные существительным, кратким прилагательным (личным предикативом), числительным *один* в роли прилагательного, называющие состояние героя; в роли связки наиболее активно используется форма прошедшего времени *был*, отражающая ретроспективный характер повествования. Обращается внимание на то, что автор-рассказчик предстаёт в произведении человеком, способным к анализу окружающей действительности и к самоанализу, размышляющим о жизни и о своём месте в ней. Герой видит себя одиноким, но уверенным в себе, умеет радоваться успехам других, быть благодарным и испытывать счастье, даже несмотря на превратности судьбы. Делается вывод о том, что названные качества автора-рассказчика объясняют лирико-романтическую тональность художественного произведения и доказывают его гуманистическую сущность.

Ключевые слова: составное именное сказуемое, именная часть, связка, автор-рассказчик, самохарактеризация, автобиографический текст, К. Г. Паустовский.

Воплощение авторского замысла любого произведения, особенно художественного, во многом зависит от того, какие средства языка использует создатель текста. «Язык художественного произведения, являясь средством передачи содержания, не только соотнесён, но и связан с содержанием; состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к

* Инесса Геннадьевна Родионова — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (Пенза, Российская Федерация); Inessa96@bk.ru

нему со стороны автора», — писал В. В. Виноградов [4, 14]. А. В. Канафьева утверждает: «За любым текстом стоит его создатель — языковая личность, выбирающая из неограниченного арсенала языковых средств то, что в максимальной степени способствует реализации идейно-художественного замысла» [7, 217].

Важнейшая роль при передаче смысла высказывания принадлежит сказуемому как главному члену двусоставного предложения, выражающему предикативный признак подлежащего. Эта мысль находит подтверждение в работах современных лингвистов. «Семантическим центром высказывания является предикат, который обычно включает в себе сущность, основное значение, смысл коммуникации. Поэтому особенно интересным и важным, на наш взгляд, является исследование способов представления предиката в том или ином художественном тексте», — считает Н. А. Герасименко [5, 251]. «Разнообразие форм выражения составного именного и составного глагольного сказуемого создаёт возможности для выражения различных оттенков значения, стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности», — пишет Ю. А. Южакова [15, 143].

В центре нашего внимания в настоящей статье находится составное именное сказуемое как средство самохарактеризации автора-рассказчика в повести К. Г. Паустовского «Далёкие годы», которая является первой из шести книг автобиографического цикла «Повесть о жизни». «Направленность на исследование языка в связи с человеческой личностью позволяет выделить те языковые факты, в которых представлен сам человек, отражены свойства его личности», — считает А. В. Величко [3, 26].

Актуальность исследования объясняется тем, что его результаты позволят увидеть личность автора — человека, который «стоит за текстом», понять его мироощущение и мировосприятие, что, в свою очередь, будет способствовать осмыслению описанного в художественном произведении через призму авторского восприятия. Недаром сам К. Г. Паустовский в предисловии к автобиографическому циклу отмечал: «Писатель, выражая себя, тем самым выражает и свою эпоху. Это — простой и неопровержимый закон» [10].

Несмотря на автобиографический характер повествования, не следует полностью отождествлять личность автора и образ героя-рассказчика. «В художественном произведении непременно есть грань между реальной личностью автора и личностью даже максимально близкого ему героя-“протагониста”. Их нельзя отождествлять, хотя грань эта бывает порой незаметна», — утверждает Г. П. Трефилова [14, 64]. Однако при проведении исследования мы учитываем слова самого К. Г. Паустовского, который назвал книги цикла «подлинной своей биографией» [10]. Следовательно, в рассматриваемом произведении личность героя-рассказчика в значительной степени совпадает с личностью самого автора.

Текст повести «Далёкие годы» даёт богатый материал для предпринятого исследования, что объясняется интенциями самого писателя, который в годы зрелости проникся «необходимостью осмыслить пройденный путь и характер своей связи с историей и современностью» [14, 55]. Это стремление К. Г. Паустовского нашло отражение в автобиографических повестях. Г. П. Трефилова справедливо отмечает: «В качестве действующего лица повествователь оста-

ётся большей частью в тени. <...> Но теневая фигура рассказчика незаметно вырастает, постепенно раскрывая богатейшую содержательность образа повествователя и превращая весь цикл повестей в один из протяжённых и ёмких “романов воспитания” XX века» [14, 58].

Вполне естественно, что значительную часть в тексте, в том числе при самохарактеризации героя-рассказчика, составляют глагольные сказуемые разных видов — это обусловлено автобиографическим характером повествования, отражающего прежде всего цепь событий, участником или свидетелем которых стал автор: *Но очень скоро я, увлекавшийся французской поэзией, понял, что это — холодный блеск, тогда как рядом сверкают россыпи живой и чистой поэзии русской; Я не мог сознаться в этом, потому что искренне верил всему, что выдумывал.* Однако считаем, что немаловажная роль принадлежит составному именному сказуемому, одной из функций которого и является выражение семантики характеристики: «Семантика характеристики свойственна прежде всего предложениям с именными сказуемыми, именная часть которых содержит квалификацию и т. д. предмета мысли / речи и выражается преимущественно прилагательными и существительными» [2, 77].

Говоря о сущности характеристики, Н. А. Герасименко отмечает, что она «заключается в приписывании субъекту одного (в большинстве случаев) или нескольких чётко обозначенных признаков» [5, 203]; при этом «признак, названный в сказуемом, приписывается предмету, названному подлежащим» [6, 15]. Материалом исследования в настоящей статье стали двусоставные предложения, в которых субъект-подлежащее выражен личным местоимением я, называющим автора-рассказчика.

Поскольку составное именное сказуемое выражается «именными частями речи или их заместителями в сочетании с глагольной связкой» [13, 110], постольку при изучении его видится актуальным анализ обоих компонентов — именной части и связки.

Именной компонент составного именного сказуемого, которое используется при самохарактеризации автора-рассказчика в повести «Далёкие годы», представлен разными частями речи.

Наиболее продуктивным способом выражения именной части сказуемого является **имя существительное** в разных предложных и предложно-падежных формах. Прежде всего это форма именительного падежа, называющая:

а) семейный статус автора-рассказчика:

— *Извините, вы не сын Георгия Максимовича?*

— *Да. Я его сын;*

б) род занятий героя:

— *Ты, часом, не из сиротского дома?*

— *Нет, я гимназист, — ответил я;*

в) возраст автора-рассказчика: *Я рассердился, сказал, что я уже **взрослый**, и обозвал её дурёхой;*

г) черты характера автора-рассказчика, которые могут быть названы опосредованно, через отрицание: — *Напрасно вы думаете, что я **лоботряс**, — сказал я.*

Как показал материал, формы именительного падежа существительного употребляются с нулевой формой связки *быть*, которая реализует значение

настоящего времени, то есть характеристика, данная автором-рассказчиком самому себе, является для него актуальной.

Предложения, содержащие сказуемые данного типа, как правило, используются в диалогах, где реплика автора-рассказчика служит ответом на вопрос собеседника или реакцией на его высказывания. В приведённых выше примерах а) и б) именная часть сказуемого выполняет фактографическую функцию [1, 10]: реплики рассказчика служат ответом на конкретные вопросы и констатируют факты из его биографии. В примерах в) и г) именная часть сказуемого выполняет оценочную функцию [1, 10]. Так, в примере в) существительное *взрослый* характеризует автора-рассказчика не только с точки зрения возраста; здесь речь идёт прежде всего о духовном взрослении героя, и на первый план выходит его самохарактеризация как человека самостоятельного, способного отвечать за свои поступки. Субъективная оценка восприятия себя как взрослого человека выражена наречием *уже*. В примере г) реплика автора-рассказчика является реакцией на размышления собеседника (Лазаря Борисовича) о призвании писателя и о трудностях писательского труда.

Формы творительного падежа существительных в функции именной части сказуемого употребляются в основном с «идеальной» связкой *быть* в прошедшем и будущем времени и называют:

а) возраст автора-рассказчика; при этом субъективная оценка возрастной характеристики может быть выражена с помощью частицы *ещё* и вводного слова *конечно*: *Тогда я был ещё совсем маленьким мальчиком и выдумывал всякие небылицы; Я был, конечно, мальчишкой;*

б) род деятельности:

Я был репетитором у Маруси Казанской;

— *Я буду писателем,* — *сказал я и покраснел;*

— *Неужели ты хочешь быть экстерном?* — *испуганно спрашивала мама.*

<...>

— *Ну хорошо, я не буду экстерном.*

Форма предложного падежа отглагольного существительного с предлогом *в* в роли именной части сказуемого имеет значение пребывания в том или ином состоянии (эмоциональном, физическом, социальном). По мнению П. А. Леканта, именная форма более предпочтительна по сравнению с глагольной для выражения состояния, так как «в отглагольном существительном приглушено значение процесса» [8, 145], следовательно, на первый план выходит семантика характеристики: *Я был в восторге от этих щей, от нарядного белого города, шипучей сельтерской воды и от порта; Проснулся я ночью весь в испарине; Я был в начале жизненного пути, но мне казалось, что я уже знаю этот путь целиком.*

В качестве именной части сказуемого при самохарактеризации автора-рассказчика в рассматриваемом произведении активно используется **краткое прилагательное (личный предикатив)**, по П. А. Леканту) со значением состояния. «Предикатив используется автором тогда, когда необходимо сосредоточить внимание не на действии (глагол), не на каком-то одном отличительном признаке предмета (прилагательное), а на внутреннем или внешнем **качественном состоянии**, в котором находится субъект», — считает Д. А. Савостина [12, 80].

Наиболее часто в роли именной части сказуемого используется предикатив *уверен*. Герой рано остался один, в детстве был человеком замкнутым и необщительным (...я **был** очень **застенчивый** и со своими увлечениями ни к кому не приставал), поэтому, часто оказываясь наедине с самим собой, размышлял о жизни, о себе и о людях, которые его окружали, анализировал происходившие события. В этих размышлениях он приходил к выводам, в истинности которых был уверен. Уверенность в своих выводах, решениях, действиях, понимание их как уместных и правильных свидетельствуют о том, что уже в детском возрасте автор-рассказчик предстаёт человеком, имеющим свой взгляд на жизнь, свою позицию — то, что называют внутренним стержнем человека. Это свойство характера героя и нашло отражение в языке автобиографического произведения, в частности в способах выражения именной части сказуемого, которая выступает как средство самохарактеризации автора-рассказчика: *Я был уверен, что именно здесь, в этом парке, встречу свою незнакомку; Зброшенный театр казался таинственным. Я был уверен, что в пустом его зале и актёрских уборных до сих пор валяются цветы, коробочки с гримом, ленты, пожелтевшие ноты; Я был уверен, судя по хитрым глазам Иванова, что он рассыпал капусту нарочно; Я был уверен, что дольмены — это жилища давно вымерших карликовых людей; Поезд стоял в Синезёрках одну минуту. Он ушёл, а я остался около своего чемодана. Я был уверен, что дядя Коля опоздал и сейчас придет; Я был уверен, что сделал непоправимую ошибку — написал отвратительный рассказ и этим на всю жизнь отрезал себе возможность писать. Субъективная оценка состояния уверенности проявляется с помощью темпорального наречия *теперь*: *Теперь я уже был уверен, что она забыла меня.**

Наиболее ярко уверенность в своих силах и возможностях как черта характера героя показана в финальной части повести, где состояние уверенности декларируется им как жизненное кредо: *Молодость брала своё. Я не задумывался над тем, хватит ли у меня сил пройти эту школу. Я был уверен, что хватит.*

Исследованный материал показал частое употребление предикатива *благодарен*: автор-рассказчик считает важным назвать людей, к которым он испытывал и испытывает благодарность, а также основание этого чувства, названное формой винительного падежа с предлогом *за*. Благодаря другим, человек невольно характеризует самого себя как внимательного и чуткого. Умение благодарить — свойство высоконравственных людей: *Я был благодарен маме за это, и на душе у меня было так легко, как только может быть у мальчика с чистой совестью; Я на всю жизнь остался благодарен Селихановичу за то, что он вызвал у меня любовь к поэзии; Я был благодарен Иванову за то, что он отучил меня стесняться простых вещей; За лёгким дымом этих «слепых дождей» и сиянием радуг где-то рядом жила незнакомка. Я был благодарен ей, что она появилась и сразу же изменила всё вокруг.*

Предикатив *обязан* показывает внимание героя-рассказчика к людям, оказавшим влияние на становление его характера. Названный предикатив управляет формой дательного падежа со значением лица: *Ах, дед Максим Григорьевич! Ему я отчасти обязан чрезмерной впечатлительностью и романтизмом; Но дяде Юзе я всё же обязан тем, что земля после его*

рассказов стала казаться мне смертельно интересной, и это ощущение я сохранил на всю жизнь.

Предикатив *счастлив* характеризует героя как человека, способного испытывать положительные эмоции, зачастую наперекор сложившимся обстоятельствам, поэтому используется в предложениях с семантикой уступки, которая выражается противительным-уступительным союзом *но* или сочетанием *и так* с уступительным значением:

Я очень устал от этой своей первой поездки, потому что всю дорогу, кроме ночей, простоял около открытого окна. Но я был счастлив;

— *Я и так счастлив,* — ответил я. — *Пожалуйста, обо мне не думай;*

Самое крупное столкновение между бабушкой и отцом произошло, когда бабушка воспользовалась тем, что отец уехал в Вену на конгресс статистиков, и взяла меня с собой в одно из религиозных путешествий. Я был счастлив этим и не понимал негодования отца.

Предикатив *рад* в роли именной части сказуемого управляет существительным в винительном падеже с предлогом *за*: герой показывает свою способность радоваться успехам других: *Поэтому я сказал, что Маргарита — прелестная девушка и я очень рад за Диму.*

Помимо выражения состояния, предикатив в роли именной части сказуемого может называть возраст автора-рассказчика. Благодаря стремлению к самоанализу герой не просто констатирует свой возраст — он представляет его как оценку своих духовных качеств, как отражение зрелости и способности совершать те или иные поступки. Субъективность высказывания подчёркивается наречием *ещё*: *Только я был ещё молод, чтобы учить других, а Галя так близорука, что не могла ничем заниматься, кроме помощи маме по дому.*

С помощью предикатива *равнодушен* показано отношение героя к реалиям окружающего мира: *С детства я был равнодушен ко всякой форменной одежде, кроме морской.*

Семантика высказываний, содержащих предикатив в роли именной части сказуемого, может усиливаться интенсификатором *так*. Конструкции «*так* + личный предикатив» используются в главной части сложноподчинённых предложений с придаточным степени: *Я был очень бледен и так ещё по-детски худ, что, казалось, вот-вот сломаюсь; Мне перевязали палец, но я был так взволнован, что не почувствовал боли.*

Обращает на себя внимание употребление **кратких страдательных причастий** в составе сказуемого при самохарактеризации автора-рассказчика в повести «Далёкие годы» К. Г. Паустовского. Однако такой способ не является частым в силу «страдательности» конструкции, предполагающей, что говорящий пассивен и испытывает на себе признак, которым он наделяется другим субъектом, в то время как в реальности герой видится человеком с активной жизненной позицией, ему больше свойственно быть деятелем: *Но вскоре я был вознаграждён: Маруся получила первую тройку с плюсом; Я был обескуражен маминым письмом.*

В качестве компонента сказуемого, характеризующего автора-рассказчика, выступает числительное *один* в функции прилагательного со значением 'одинокий'. Мотив одиночества звучит на протяжении всего произведения и усиливается наречием-частицей *уже* и частицей *совершенно*: *Но мысль*

эта тотчас ушла и снова сменилась мыслью о том, что я уже совершенно один; Я тогда жил уже совершенно один и зарабатывал дешёвыми уроками; Я жил тогда уже один, без семьи, и снимал комнату в Диком переулке, у пехотного поручика Ромуальда Козловского; Они быстро скрылись, и я остался один с молчаливым возницей.

Говоря о **связках**, представленных в составных именных сказуемых, выступающих в качестве средства самохарактеризации автора-рассказчика, отметим преобладание «идеальной» незначительной связки *быть* в настоящем и прошедшем времени, которая, выражая грамматическое значение сказуемого, служит для передачи фактически существующих отношений между признаком и субъектом [9, 86–87].

В настоящем времени связка *быть* имеет нулевую форму, и «предложение, центр которого оформляет предикатив с нулевой формой связки, звучит решительно, категорично, внушительно» [11, 9–10]: *Неужели я уже никому не нужен?* Нулевая форма связки используется и при субстантивном выражении именной части сказуемого: *Всё стало понятно. Значит, я обуза для всех.*

Форма прошедшего времени незначительной связки *быть* является более продуктивной, что объясняется ретроспективным характером автобиографического повествования. Основной компонент сказуемого при этом может быть представлен разными частями речи: *Я не был готов к этой встрече с Кремлём; Я был даже рад, что на меня не обращают внимания; Я тоже был «освобождённый» и тоже был без кушака; Я был владельцем самого большого флота в мире.*

Фазисные связки *стать, сделаться* передают отношения между признаком и субъектом как возникающие, становящиеся [9, 87]. Употреблённые в форме совершенного вида, они показывают результат изменения героя: *Я стал для себя чужим мальчиком с тяжёлой фуражкой на голове; С тех пор я сделался в своём воображении владельцем ещё одной великолепной страны — Кавказа.*

Модальная связка *казаться* (в приведённом ниже примере она опущена) служит для передачи кажущихся отношений между признаком и субъектом [9, 87]: *Рассказ уже казался мне бездарным, а я сам — косноязычным дураком.*

Неоднократно в тексте повести используются составные именные сказуемые с аналитической связкой *чувствовать себя*, которая, являясь, по терминологии П. А. Леканта, неспециализированной [9, 94], обладает более конкретным значением, по сравнению со специализированными связками: она передаёт отношения между признаком и субъектом как душевное состояние: *Я чувствовал себя гостем в родной семье; Я чувствовал себя виноватым перед Глебом и упротил маму разглядить глебовские брюки.*

Важно отметить, что в функции связки в тексте повести используются вещественные глаголы, которые «выражают конкретные действия, отнесённые к тому же субъекту, с которым соотнесён признак, заключённый в предикативном имени» [9, 90]: *Я ушёл обескураженный, долго ходил по Крещатику, зашёл в библиотеку и встретил там Фицовского; Я возвращался домой на Лукьяновку усталый и счастливый; Несколько дней я пролежал в жару, с головной болью; Прожил же я два года один. И ещё проживу.*

Более полная, разноаспектная характеристика автора-рассказчика представлена в предложениях с однородными составными именными сказуемыми

с различным выражением именных частей и связочных компонентов: *Я рано остался один и в последних классах гимназии уже сам зарабатывал на жизнь и чувствовал себя совершенно взрослым.*

Таким образом, составное именное сказуемое играет важную роль при самохарактеризации автора-рассказчика в автобиографической повести К. Г. Паустовского «Далёкие годы», при этом значение имеет способ выражения как именной части, так и связочного компонента. В рассматриваемом произведении в роли именной части преобладают лексемы, выраженные именем существительным, личным предикативом, числительным *один* в роли прилагательного со значением 'одинокий', называющие состояние героя, в роли связки наиболее активно используется форма прошедшего времени *был*, отражающая ретроспективный характер повествования. Автор-рассказчик в повести «Далёкие годы» предстаёт человеком, способным к анализу окружающей действительности и к самоанализу. Он размышляет о жизни и о своём месте в ней. Герой видит себя одиноким, но уверенным в себе, умеет радоваться успехам других, быть благодарным и испытывать счастье, даже несмотря на превратности судьбы. Все эти качества автора-рассказчика объясняют лирико-романтическую тональность художественного произведения и доказывают его гуманистическую сущность, которая, говоря словами самого К. Г. Паустовского, состоит в возможности каждого испытать чувство «значительности нашего человеческого существования и глубокого очарования жизни» [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асланова О. А. Бисубстантивные предложения как средство выражения авторской характеристики персонажа в мемуарном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. — 25 с.
2. Бабайцева В. В. Синкретизм в системе логико-синтаксических типов семантики простого предложения // Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии: Сборник научных трудов. — М.—Уфа : БГПУ, 2000. — С. 71–83.
3. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. — М. : МАКС Пресс, 2016. — 416 с.
4. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. — 1954. № 5. — С. 3–26.
5. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: Монография. — М. : Изд-во МГОУ, 2012. — 292 с.
6. Герасименко Н. А. Оформление связи между главными членами бисубстантивного предложения // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. — 2015. № 4. — С. 14–17.
7. Канафьева А. В. Риторическое высказывание как содержательно-концептуальная единица художественного текста // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. — М. : МГОУ, 2012. — С. 217–223.
8. Лекант П. А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке: Сборник статей / под ред. акад. В. В. Виноградова; сост. А. Н. Кожин. — М. : Просвещение, 1969. — С. 140–154.
9. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие. 3-е изд., испр. и дополн. — М. : Высшая школа, 2004. — 247 с.

10. Паустовский К. Г. Книга о жизни. Далёкие годы: Повесть. Электронный ресурс: <http://lib.ru/PROZA/PAUSTOWSKIJ/lifebook1.txt> (дата обращения 01.07.2021).
11. Савостина Д. А. Употребление форм предикатива в русской литературе 1 трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. н. — М., 2008. — 22 с.
12. Савостина Д. А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. — М.: Изд-во МГОУ, 2010. — 153 с.
13. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта; Наука, 2006. — 320 с.
14. Трефилова Г. П. К. Паустовский, мастер прозы. — М.: Художественная литература, 1983. — 128 с.
15. Южакова Ю. А. Об особых случаях расчленения составного сказуемого в русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2019: Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта (Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. колл. Н. Б. Самсонов (отв. ред.) и др. — М.: ИИУ МГОУ, 2019. — С. 139–144.

REFERENCES

1. Aslanova O. A. Bisubstantivnyye predlozheniya kak sredstvo vyrazheniya avtorskoy kharakteristiki personazha v memuarном tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. n. [Bisubstantial sentences as a means of expressing the author's characteristics of a character in a memoir text]: dissertation. — Moskva, 2013. — 25 s.
2. Babaytseva V. V. Sinkretizm v sisteme logiko-sintaksicheskikh tipov semantiki prostogo predlozheniya [Syncretism in the system of logical syntactic types of semantics of a simple sentence] // Issledovaniye yazykovykh yedinit v ikh dinamike i vzaimodeystvii: Sbornik nauchnykh trudov. — Moskva — Ufa: BGPU, 2000. — S. 71–83.
3. Velichko A. V. Predlozheniya frazeologizirovannoy struktury v russkom yazyke. Strukturno-semanticheskoye i funktsional'no-kommunikativnoye issledovaniye: Monografiya [Sentences of phraseological structure in Russian. Structural semantic and functional communicative research]. — Moskva: MAKS Press, 2016. — 416 s.
4. Vinogradov V. V. Yazyk khudozhestvennogo proizvedeniya [The language of a work of art] // Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics]. — 1954. № 5. — S. 3–26.
5. Gerasimenko N. A. Bisubstantivnyye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovaniye: Monografiya [Bisubstantial sentences in Russian: structure, semantics, functioning]. — Moskva: Izd-vo MGOU, 2012. — 292 s.
6. Gerasimenko N. A. Oformleniye svyazi mezhdu glavnymi chlenami bisubstantivnogo predlozheniya [Connection between the main members of the bisubstantial proposal] // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. — 2015. № 4. — S. 14–17.
7. Kanaf'yeva A. V. Ritoricheskoye vyskazyvaniye kak sodержatel'no-kontseptual'naya yedinita khudozhestvennogo teksta [Rhetorical statement as a conceptual content unit of a literary text] // Ratsional'noye i emotsional'noye v russkom yazyke: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. — Moskva: MGOU, 2012. — S. 217–223.
8. Lekant P. A. Razvitiye form skazuyemogo [The development of predicate forms] // Mysli o sovremennom russkom yazyke: Sbornik statej pod red. akad. V. V. Vinogradova. Sost. A. N. Kozhin. — Moskva: Prosveshcheniye, 1969. — S. 140–154.
9. Lekant P. A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: Uchebnoye posobiye [Syntax of a simple sentence in Russian]. — 3-ye izd., ispr. i dopoln. — Moskva: Vysshaya shkola, 2004. — 247 s.

10. *Paustovskiy K. G. Kniga o zhizni. Dalokiye gody: Povest'.* [A book about life. Dalokiye gody]. Available at: <http://lib.ru/PROZA/PAUSTOWSKIJ/lifebook1.txt> (accessed: 01.07 2021).
11. *Savostina D. A.* Upotrebleniye form predikativa v russkoy literature 1 treti XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. n. [The use of predicative forms in Russian literature in the first third of the twentieth century]: dissertation. — Moskva, 2008. — 22 s.
12. *Savostina D. A.* Kategorizatsiya sub»ektivnosti i emotsional'nosti v russkoy literature pervoy treti XX veka: formy predikativa [Categorization of Subjectivity and Emotionality in Russian Literature of the First Third of the 20th Century]. — Moskva: Izdatel'stvo MGOU, 2010. — 153 s.
13. *Skoblikova Ye. S.* Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskiy kurs): Uchebnoye posobiye [Modern Russian language. Syntax of a simple sentence (theoretical course)]. 3-ye izd., ispr. i dop. — Moskva: Flinta : Nauka, 2006. — 320 s.
14. *Trefilova G. P. K.* Paustovskiy, master prozy [K. Paustovsky, master of prose]. — Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1983. — 128 s.
15. *Yuzhakova Yu. A.* Ob osobykh sluchayakh raschleneniya sostavnogo skazuyemogo v russkom yazyke [On special cases of dismemberment of a compound predicate in Russian] // Ratsional'noye i emotsional'noye v russkom yazyke — 2019: Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati professora P. A. Lekanta (g. Moskva, 19 noyabrya 2019 g.) / red. koll. N. B. Samsonov (otv. red.) i dr. — Moscow: IIU MGOU, 2019. — S. 139–144.